

Россия – США: соперники и партнеры

Юлия Быстрова

Холодная война с периодическими оттепелями

С окончанием Второй мировой войны и исчезновением общего врага антигитлеровская коалиция утратила основу своего существования. На повестке дня стояли новые задачи, а у держав-победительниц, прежде всего у СССР и США, они были совершенно разными.

Советский Союз вышел из мировой бойни обескровленным, потерявшим десятки миллионов граждан и значительную часть экономического потенциала. В СССР была разруха, население бедствовало. Восстановление страны требовало сосредоточения всех сил. Но сталинское руководство решало и другие задачи.

Во-первых, оно не собиралось менять суть своего тоталитарного режима, а значит должно было противостоять воздействию извне на умонастроения советских граждан. В этой связи широкая опора на США в залечивании ран войны исключалась: вместе с помо-

щью в страну проникла бы чуждая идеология. Она и так уже начала просачиваться в результате союзничества с Западом в годы войны, возвращения домой огромного числа советских солдат, повидавших более развитые и свободные страны. Кремль занялся тщательной проверкой воинов-победителей, развернул широкую кампанию против “низкопоклонства перед границей”.

Во-вторых, СССР, пострадавший больше других в самой разрушительной войне в истории человечества, стремился как можно суровее наказать Германию за агрессию, получить от нее максимум репараций и не допустить возрождения мощного и агрессивного германского государства¹.

В-третьих, Советское руководство считало абсолютно необходимым для обеспечения национальной безопасности окружить СССР с запада дружественными режимами¹.

Ключевые слова: холодная война, США, Советский Союз, Россия, российско-американские отношения.

В период между двумя мировыми войнами восточноевропейские страны относились к Москве с недоверием, а некоторые из них и просто с ненавистью. С точки зрения Сталина и его соратников, именно это обстоятельство не позволило еще в 30-х годах организовать коллективный барьер на пути гитлеровской агрессии. Москва преисполнилась решимости не допустить повторения прошлого. Для этого надо было поставить у власти в странах Восточной Европы коммунистов, разделявших идеологию Кремля. Тогда СССР не просто приобрел бы надежных друзей, но и, наконец, смог бы вывести социализм за рамки одного государства, покончить со своей изоляцией в международных отношениях.

В-четвертых, вынеся на своих плечах значительную, если не основную, тяжесть борьбы с фашизмом, выйдя из войны победителем, СССР претендовал наряду с США на роль глобальной державы. Москва считала себя вправе участвовать в послевоенном переустройстве мира, иметь преобладающие, или, по крайней мере, весомые позиции в различных регионах земного шара: от Ирана и средиземноморских проливов до Кореи и Японии.

Совсем по-другому смотрели на ситуацию американцы и их сторонники в Западной Европе. Вашингтон был уверен, что и сила, и правда находятся на его стороне.

На то были немалые основания.

В отличие от СССР Соединенные Штаты закончили войну, не только не растеряв экономический потенциал, но, напротив, значительно нарастив его. В 1945 г. на долю США приходилось уже около половины мирового промышленного производства. И в военном отношении баланс складывался в пользу Вашингтона – он обладал мо-

нополией на ядерное оружие. Американцы прекрасно осознали собственное превосходство². Американский президент Трумэн говорил, что атомная бомба позволит говорить с Кремлем с позиции силы, навязывать ему решения.

Какие же цели преследовали в послевоенном мире Соединенные Штаты?

Как представляется, главным было закрепление американского лидерства. Гегемонистские притязания Вашингтона подстегивались воспоминания об ошибках, допущенных после Первой мировой войны (тогда Америка замкнулась на свои внутренние дела), слабостью друзей США в Европе и на других континентах, растущей мощью Советского государства.

Противодействие коммунизму стало фактически второй самостоятельной целью внешнеполитической стратегии Белого дома. СССР устанавливал контроль над территориями, выходцы из которых составляли определенную часть населения США и требовали отпора “красным”: речь идет о поляках, чехах, венграх и т.д. Наконец, действия Кремля выглядели угрожающими с точки зрения безопасности: за Восточной Европой могли последовать Западная Европа, стратегические проливы в Средиземном море, Средний Восток, Азия.

Американцы воспылали решимостью “противостоять советскому коммунизму и остановить его”.

Говоря образно, США вообразили себя Афинами или Римом, оплотом западной цивилизации против нашествия варваров. Без нас, полагали американцы, мир погрузится в мрачное Средневековье.

Присутствовал в действиях Вашингтона и экономический расчет.

Американские корпорации, окрепшие за годы войны, нуждались в за-

морских рынках сбыта, новых сферах приложения капитала. Власти должны были способствовать экономической экспансии, в том числе поддерживая рыночную среду за рубежами США, обеспечивая где только возможно преобладающее американское влияние и оптимальный режим для американского бизнеса.

Таковы были цели, которые ставили перед собой два главных действующих лица надвигающейся холодной войны: СССР и США.

Не нужно глубокого анализа, чтобы констатировать антагонизм Москвы и Вашингтона. Скорректировать эти цели, приспособить их друг к другу или попытаться найти общий язык не представлялось возможным. Ни в СССР, ни в США не существовало соответствующих социальных слоев, политических и экономических групп, теорий и взглядов, которые могли бы предотвратить холодную войну. И она началась, основанная на взаимоисключающих интересах и подхлестываемая подчас преувеличенными страхами, ложными концепциями и чрезмерными амбициями.

В марте 1953 г. умер Сталин, к власти в Кремле пришло *руководство во главе с Н.С.Хрущевым*. Оно осудило сталинизм и пошло на определенную либерализацию режима. Серьезные коррективы были внесены и во внешнюю политику. Москва немедленно положила конец войне в Корее, вывела войска из Австрии, прекратила третирование Тито и других строптивых коммунистов, пошла на уступки Финляндии, а, главное, всерьез решила добиваться смягчения напряженности в отношениях с Западом.

Вместе с тем, Хрущев и его окружение верили, что очищенный от сталинизма социализм может стать самой

справедливой общественной системой. Кремль нацеливал советских граждан на скорейшее построение высшей формы социализма – коммунизма. Население поддерживало такой курс, тем более, что на первых порах дела в советской экономике, социальной и других сферах шли неплохо – достаточно вспомнить запуск в Советском Союзе первого искусственного спутника Земли, ежегодный рост ВВП на 8–10%.

В сфере международных отношений вера Кремля в правоту и справедливость социальных идей выражалась в активной и искренней (в отличие от циничного и прагматичного Сталина) поддержке национально-освободительных и радикальных движений в третьем мире.

Москва на самом деле гневно отвергала колониализм и действительно была убеждена в том, что освободившимся странам надо идти по некапиталистическому пути развития, а долг СССР – оказывать помощь этим государствам.

Что касается реакции США (а вслед за ними всего Запада) на перемены в СССР, то она не была слишком позитивной. Преобладало мнение, что улыбка новых коммунистических лидеров нельзя доверять, что Москва лишь камуфлирует прежнюю политику, направленную на коммунизацию человечества.

С высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что недооценка перемен в Советском Союзе была ошибочной. Однако такая реакция проистекала из целого ряда обстоятельств.

Во-первых, к началу 50-х годов вся стратегия США базировалась на идеологии холодной войны. Вашингтонская элита (Белый дом, Капитолий, бюрократия и т.п.) участвовала в разработке и становлении этой идеологии. Холодная война была ее детищем, от-

казаться от которого, да еще сходу, в сжатые сроки, элита не могла. Тем более, что как раз тогда США добивались от европейской союзников сплоченности, увеличения вклада в вооруженные силы НАТО.

Мощной силой, мешавшей Белому дому непредвзято взглянуть на эволюцию советского коммунизма, являлся военно-промышленный комплекс. Генералы и производители вооружений были кровно заинтересованы в поддержании образа грозного и коварного противника. От этого зависели их власть, влияние, масштабы доступа к бюджетным деньгам и т.д. Причем, что тоже вполне естественно для военных, американский ВПК совершенно искренне испытывал недоверие в отношении уже привычного противника.

И все же тенденция к диалогу пробивала себе путь, несмотря на сопротивление консервативных сил (каковые имелись с обеих сторон).

В 1959 г. состоялся первый в истории визит высшего советского руководителя в США. Он прошел успешно, и, казалось, наступила долгожданная эпоха разрядки (“детанта”). Приход к власти в Соединенных Штатах либерального и полного сил Джона Кенеди внушал дополнительный оптимизм по поводу перспектив советско-американских отношений. Однако на практике только начинавшийся “детант” был сорван двумя опасными кризисами – из-за Берлина и Кубы. Дж.Кенеди и Н.С.Хрущев ушли с политической арены почти одновременно.

С появлением у штурвала власти в Вашингтоне и Москве других лиц начался новый этап советско-американских отношений.

Л.И.Брежнев в отличие от Н.С.Хрущева был человеком сдержанным, осторожным, менее склонным к идеологи-

ческому экстремизму и экспромтам, в то время как президент Линдон Джонсон отличался от Джона Кенеди консерватизмом и жесткостью.

Новый этап в советско-американских отношениях определялся, однако, не только и не столько личными чертами и убеждениями высших лидеров, сколько причинами более фундаментального характера. Прежде всего, стороны учли уроки Карибского кризиса. Они поняли, что прямых конфронтаций необходимо избегать при любых обстоятельствах, что две сверхдержавы должны постоянно поддерживать диалог.

Москва и Вашингтон навсегда отказались от мысли о войне между собой. Была осознана обоюдная ответственность за сохранение мира во всем мире, нераспространение ядерного оружия. Одновременно было негласно признано право другой стороны на зоны влияния, на которое не следует посягать.

Следующий американский президент *Ричард Никсон* решил активизировать диалог с Советским Союзом.

Нового хозяина Белого дома подталкивала к этому патовая ситуация во Вьетнаме. Он надеялся выбраться из вьетнамской войны при помощи Москвы, одновременно играя на обострившихся противоречиях между СССР и КНР. Делая реверансы попеременно двум коммунистическим гигантам, Никсон побуждал их соревноваться за дружбу с Вашингтоном.

Стратегия явно удалась.

Москва, несмотря на вьетнамскую войну, недовольство политикой США на Ближнем Востоке и другими моментами, пошла на широкомасштабный “детант” со своим основным антагонистом.

Помимо китайского фактора, Москвой двигали стремление облегчить

бремя гонки вооружений и уменьшить опасность термоядерного конфликта, экономические интересы, перегруженность проблемами в социалистическом содружестве. Заинтересованность в диалоге и вера в его хорошие перспективы подкреплялись позитивными сдвигами в Европе, урегулированием межгосударственных отношений ФРГ с ГДР, странами Восточной Европы и СССР, успешным развитием советско-французского сотрудничества и т.д.

Вашингтон же, через Вьетнам и другие внешние, а также внутренние катаклизмы, пришел к осознанию того, что мир изменился, силой всего не добьешься, тем более что в военной области между сверхдержавами уже фактически сложился паритет.

“Детант”, имевший бурное начало в первой половине 70-х годов, начал постепенно сходить на нет.

С приходом *Дж. Картера* к власти в 1976 г. в правящих кругах США накопился значительный заряд недовольства Советским Союзом. В частности тем, что Москва поддерживала радикальные, антизападные силы в Анголе, Йемене, Эфиопии, Никарагуа и других районах земного шара.

Для Москвы такая поддержка была рутинным делом – она ведь не давала обязательств уйти из третьего мира и продолжала сотрудничать с теми группировками, которые сами искали дружбы с СССР. Кроме того, консервативная часть американского истеблишмента, (особенно военно-промышленный комплекс) вновь забила тревогу по поводу успехов СССР в военной области.

Атмосферу в советско-американских отношениях отравляли ограничения конгресса на торговлю с Советским Союзом и активная позиция Картера в области защиты прав человека.

Для брежневского руководства действия Белого дома выглядели как провокационное вмешательство во внутренние дела СССР под абсолютно надуманными предлогами (в Кремле всерьез верили, что именно в США не соблюдаются элементарные права граждан)³.

И после подписания Договора ОСВ-2 его противники продолжали борьбу. В частности, в прессе США была развернута широкая кампания по поводу “обнаружения” на Кубе “советской боевой бригады”, якобы только что доставленной на остров в нарушение советско-американской договоренности 1962 г. На самом деле бригада постоянно находилась на Кубе с 1962 г., о чем в Пентагоне и ЦРУ было прекрасно известно.

Не удалось наладить сотрудничество СССР и США на Ближнем Востоке, хотя в 1977 г. две сверхдержавы впервые выработали принципы совместных и параллельных действий в регионе.

Правые и израильские круги решительно выступили против более сбалансированной линии Вашингтона и выступили против “поощрения” советского присутствия на Ближнем Востоке.

Белый дом переключился на отдельные переговоры между Израилем и Египтом к огромному неудовольствию Л.Брежнева.

Несмотря, однако, на всю противоречивость и зигзагообразность, тенденция к “разрядке” в советско-американских отношениях все еще сохранялась. Ее окончательный срыв произошел лишь в результате ввода советских войск в Афганистан.

Обосновавшаяся в Белом доме в 1981 г. администрация *Рональда Рейгана* вздумала всерьез отказаться от политики поддержания баланса сил и ди-

алога с Москвой (не в малой степени как раз из-за афганских событий, а также в результате развертывания советских ракет “СС-20” в Европе)⁴.

Был взят курс на “кровопускание”, ослабление СССР и, в качестве конечной цели, полной победы в холодной войне. Р.Рейган во всеулышание объявил Советский Союз “империей зла”, чье место на “свалке истории”.

Белый дом разработал программу действий⁴, предусматривающую затягивание афганского конфликта, экономическую блокаду и раскручивание маховика гонки вооружений.

От биполярного мира к многополярному

Горбачев занялся демонтажом сталинско-брежневской системы, и реформирование линии Москвы на международном арене стало составной частью этого процесса.

Советский Союз взял курс на сближение и даже партнерство с Западом, добиваясь поставленной цели за счет отказа от мировоззрения, установок и позиций, характерных для прежних времен.

В начале 1987 г. Горбачев провозгласил политику демократизации, объявив, что ценит демократию не как вещь в себе, самоцель, а лишь как средство пробуждения энергии народа, направления ее на слом антиперестроечных позиций партгосаппарата и ВПК.

Демократизация неизбежно привела к размыванию фундамента тоталитарного режима – высвободила центробежные этнические силы в национальных республиках, стимулировала политико-идеологическую оппозицию коммунистической партии. Общество расслоилось, развернулась острая борьба между различными политическими группами, идеологическими течениями, социальными слоями, между Центром и провинцией, между республиками и этносами.

Холодная война фактически продолжала бушевать на протяжении первой половины 80-х годов.

Наверное, реалии современного мира, и, прежде всего угроза губительного термоядерного конфликта, рано или поздно вновь заставили бы Москву и Вашингтон вернуться к разрядке на принципах, заложенных в 70-е годы. Но судьба распорядилась по-иному.

В Советском Союзе в 1985 г. к власти пришло поколение более молодых руководителей во главе с *М.С.Горбачевым*, которое почти сразу приступило к глубоким реформам.

Политический кризис сделал плохо управляемыми экономические процессы. Центр уже не был в состоянии разработать единую комплексную стратегию экономических преобразований. Тем более не мог он реализовать такую стратегию на практике. В результате начался экономический кризис, и СССР распался.

Постсоветская Россия встала на путь строительства демократии и рыночной экономики. Казалось бы это открыло возможности для всестороннего и тесного сотрудничества нашей страны с США. Однако далеко не все сложилось, как хотелось и ожидалось.

Россия исходила из того, что после холодной войны мир останется биполярным, то есть с двумя лидерами: Москвой и Вашингтоном. Изменяются их отношения: два лидера перестанут непрерывно конфронтировать между собой и примутся дружно руководить человечеством. Но очень скоро выяснилось, что США и не думают соблюдать привычный баланс.

Ощувив свое беспорное и признанное лидерство, Америка взяла на себя функции мирового блюстителя поряд-

ка мирового приводящего в чувства “злостных нарушителей” (Югославию, Ирак, Иран и т.д.), самостоятельно определяющего, кто как должен жить, что такое хорошо и что такое плохо.

США все неохотнее считались с ООН и с международным правом, все меньше прислушивались к союзникам, все чаще позволяли себе игнорировать интересы России.

У Вашингтона развился вкус к расширению собственной сферы влияния, и он ринулся на территорию бывшего советского лагеря, в Восточную Европу.

Дальше – больше: американцы устремились в постсоветское пространство, пытались нейтрализовать интеграционные процессы внутри СНГ, охладить интерес новых независимых государств к союзу с Москвой, подтолкнуть их в сторону Запада.

Как следствие, у россиян уже к середине 90-х годов возникло чувство, что их обманул и предал новый стратегический партнер, что Россию хотят лишить статуса великой державы, опустить до уровня второразрядного государства. Более того, ее намерены изолировать от остальной Европы и подвергнуть давлению. Россиян беспокоило, что точно так же, как Вашингтон наказал за межэтнические неурядицы Белград, завтра он может попробовать силой приструнить Москву за антисепаратистские операции на Кавказе.

На заре реформ россияне надеялись на американскую поддержку масштаба плана Маршалла, когда Соединенные Штаты помогли после Второй мировой войны встать на ноги западноевропейским экономикам. Но вскоре многие в России пришли к выводу, что помочи ждать не приходится, что американцы вместо этого занялись на российских просторах грабежом, скупая за

гроши природные ресурсы и превращая недавнюю сверхдержаву в “экономическую колонию”.

В обмен на ценное сырье на наш рынок потек пустынный или сомнительный товар (типа жвачки или низкокачественных куриных ножек).

Передачу технологий сдерживали законодательные препоны. Когда же Россия пыталась заработать на экспорте собственных технологий, ей беспардонно мешали, как это было со сделками по поставке ракетных двигателей в Индию, военных самолетов в Малайзию, ядерного оборудования в Иран и т.д.

Появились сомнения относительно применимости американских рецептов реформ на российской почве.

Заокеанские советники, которые в начале 90-х годов буквально наводнили Кремль и другие центры государственной власти, превратились в мишень для обвинений в умышленном развале отечественной экономики и культуры. Расхожим стал тезис о том, что все нынешние беды России были загодя запланированы в Вашингтоне, а затем реализованы по лекалам ЦРУ и их российских приспешников.

Неудача шоковой терапии нанесла мощный удар по лагерю прозападных демократов. Они потеряли уверенность в своей правоте, и раскололись на соперничающие кланы.

Парламентские выборы в декабре 1993 г. показали, что в дополнение ко всему прочему демократы лишились поддержки большей части электората, проиграв националистам и коммунистам.

Выборы 1995 г. еще больше закрепил эту тенденцию ведущие позиции в парламенте завоевали коммунисты, сохранили немалое влияние и националистические силы.

Оппозиция, распрямив плечи, пошла в лобовую атаку на ту политику, в

том числе внешнюю, которая возникла на заре российской демократии в 1991–1992 гг. Давление на курс Кремля стало возрастать со стороны не только Госдумы, но и военно-промышленного комплекса, значительной прослойки провинциальных элит, русской диаспоры в бывших республиках СССР, а также всякого рода экстремистов. К хору критиков присоединились и группы демократов, разочарованных в тех или иных аспектах внешнеполитического курса Кремля.

Изменился сам состав исполнительной власти.

Радикальных демократов оттеснили от государственного “штурвала” представители старой советской бюрократии, многие из которых все более открыто соглашались с критиками российской дипломатии закваски 1991–1992 гг.

Произошла корректировка внешнеполитического курса.

Москва от безоговорочно прозападной политики перешла к многовекторной, сбалансированной стратегии. Россия стремится наладить партнерские отношения одновременно с Западом и Востоком, Севером и Югом. Сотрудничество на каждом из этих направлений не исключает элементов конкуренции и порой соперничества.

После падения режима Саддама Хусейна многие как за рубежом, так и в России, заговорили о том, что в международных отношениях наступила эра однополюсности, безраздельного господства Соединенных Штатов. Мощь у Америки, мол, невероятная, никто с ней не сравнится; поэтому США позволяют себе нападать на неугодных, а всем остальным приходится или заискивающе поддакивать гегемону, или трусливо помалкивать. И эта тенденция, чем дальше, тем больше будет закрепляться. Однако жизнь быстро опровергла такие представления.

Во-первых, Соединенные Штаты уже сейчас сталкиваются с негативными последствиями силового метода насаждения “передового” образа жизни.

В Афганистане вновь поднимают головы талибы и террористические группировки, вывоз наркотиков с афганской территории не сокращается, а увеличивается.

В Ираке успешный “блицкриг” тоже может оказаться на поверку Пирровой победой. В иракском обществе нарастает раздражение “крестоносцами-миссионерами”, раздаются предупреждения, что “война с оккупантами только начинается”, каждый день от рук террористов гибнут американские солдаты.

Нельзя исключать, что Ирак повторит опыт Ирана, где модернизация под диктовку Вашингтона родила не демократию, а жесткий исламистский режим, который уже более 20 лет бросает вызов Соединенным Штатам.

Во-вторых, пыл американского правительства будет охлаждать внутренняя оппозиция.

Соединенные Штаты – демократическая страна, и для многих ее граждан агрессивная политика, чреватая нарушением норм международного права и человеческими жертвами, является неприемлемой. Спротивление такой политике явно нарастало.

Если против бомбардировок Югославии в 1999 г. в США возражали единицы, то вторжение в Ирак в 2003 г. всколыхнуло сотни тысяч людей. Лидеры демократической партии, члены конгресса, отставные военные, звезды Голливуда, студенты энергично выступили против войны, характеризуя ее как “несправедливую, немотивированную, опасную, наносящую Америке непоправимый ущерб”.

Нарастает вал критики Белого дома за подтасовку фактов в обоснование военного нападения на Ирак.

В-третьих, у США не хватит денег на экспорт демократии и военную гегемонию в глобальном масштабе. Один только Ирак уже стал тяжелейшим бременем для американской экономики.

Как следствие, американцы осознали пагубность прежней политики и проголосовали на президентских выборах 2008 г. за либерального демократа Барака Обаму, провозгласившего принципиально новый курс. Убеждения Обамы и объективные потребности должны способствовать отказу Соединенных Штатов от гегемонистской политики, их готовности на равных сотрудничать с другими странами в решении мировых проблем.

Наиболее очевидный на нынешнем этапе вызов, требующий коллективного ответа, исходит от *международного терроризма*. Американцы понимают, что не смогли бы провести операцию в Афганистане, если бы не поддержка и помощь России и центральноазиатских государств. До полного урегулирования в Афганистане еще далеко, и Соединенные Штаты, опять же по мнению самих американцев, должны и впредь опираться на Москву и ее союзников в Центральной Азии.

Остро стоит *угроза распространения ядерного оружия*. Хотя США и справились с С.Хусейном, очевидно, что на всех реальных и потенциальных нарушителей режима нераспространения голый американской силы не хватит. Требуется равноправное, ответственное и доверительное партнерство всех ядерных держав в рамках ООН и других международных организаций, нужны новые шаги в области ядерного разоружения, которые подавали бы позитивный сигнал неядерным странам, создавали побудительные мотивы у

всех членов мирового сообщества к соблюдению и защите режима нераспространения.

Еще одна важнейшая сфера, где Вашингтону не обойтись без поддержки других стран, – *урегулирование региональных и локальных конфликтов*. Человечество вошло в XXI столетие с высоким конфликтным потенциалом. Не разрешены десятки территориальных споров.

Сохраняются и могут возникать новые межгосударственные конфликты на этнорелигиозной и идеологической почве, из-за обладания ресурсами (водой, нефтью и другими полезными ископаемыми), в погоне за субрегиональным лидерством. Десятки государств страдают от внутренних неурядиц, социально-экономического, религиозно-этнического и политического свойства.

В условиях глобализирующегося мира внутренние проблемы вырываются за государственные границы. Выражается это в потоках беженцев, терроризме, наркобизнесе, похищении ядерных и других смертоносных материалов и т.д.

Ну и, наконец, в Вашингтоне не могут не учитывать *глубинные причины межгосударственных и внутренних конфликтов*.

“Мир, – констатируют авторы Стратегии в области национальной безопасности США, – где кто-то живет в комфорте и достатке, в то время как половина человечества существует менее чем на 2 долл. в день, не является ни справедливым, ни стабильным”.

Соединенные Штаты декларируют готовность совместно с остальными промышленно развитыми странами оказывать максимально возможную

помощь отстающим во всех областях, полагая, что преодоление нищеты и отсталости, процветание мировой экономики и ее отдельных частей не только будет благоприятствовать удовлетворению экономических интересов США, но и укрепит американскую национальную безопасность.

Через официальные документы и заявления представителей Белого дома красной нитью проходит тезис о том, что чем зажиточнее и свободнее живут другие народы, тем это благоприятнее для Соединенных Штатов.

Среди тех партнеров, с которыми США выражают желание делить бремя ответственности за дела в мире, видное место отводится России.

В Концепции национальной безопасности сказано, что США и Россия “не являются больше стратегическими противниками” и между ними устанавливаются “новые стратегические отношения”. Стратегические интересы двух стран “во многих областях совпада-

ют”, и Соединенные Штаты стремятся к переориентации отношений с Россией на появляющиеся и потенциальные общие интересы и задачи.

Внедряются такие важные направления американо-российского партнерства, как преодоление экономического кризиса, “глобальная война с терроризмом”, “сотрудничество в области безопасности” по линии Совета Россия – НАТО, “интеграция России в евроатлантические сообщества”, содействие приему России во Всемирную торговую организацию, чтобы “стимулировать взаимовыгодные двусторонние торговлю и инвестиции”.

Вашингтон обосновывает и императивную важность “постоянного сотрудничества” США в мировых делах с “союзниками и друзьями в Канаде и Европе”, большинством стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай и Индию, государствами других континентов, международными и региональными организациями.

Таким образом, несмотря на тягу Вашингтона к единоличной гегемонии, к низведению всех остальных членов мирового сообщества до роли “младших партнеров”, живущих и действующих по американским лекалам, реалии современного мира толкают и будут продолжать толкать Соединенные Штаты к более реалистичной и разумной политике сотрудничества.

Все это, очевидно, следует иметь в виду, выстраивая нашу линию на мировой арене. Ведь большая часть проблем, которые Америка стремится решать, в равной степени волнует и нас. И так же, как американцы не справятся с этими проблемами без помощи других членов мирового сообщества, в том числе России, и мы не обойдемся без сотрудничества с США.

Еще более контрпродуктивно и опасно помышлять об изоляции Соединенных Штатов, конструируя против них различные “треугольники”, “четыреугольники” и “единые фронты”. Из этих затей все равно ничего не получится, ибо подавляющее большинство членов мирового сообщества нуждается в сотрудничестве с США и не пожертвует им.

Тот же Китай никогда не сделает этого, имея, среди всего прочего, товарооборот с Соединенными Штатами почти в 120 млрд. долл., из которых около 100 млрд. долл. приходится на китайский экспорт. Для сравнения российско-китайский товарооборот в 10 раз меньше.

А если некий “единый фронт” все-таки каким-то чудом возникнет, то это неминуемо ввергнет мир в глобальную катастрофу, и тогда, учитывая уровень военных технологий и оружия, на человечестве можно будет ставить крест.

Не следует упускать из виду и тот очевидный факт, что без сотрудничества или, по крайней мере, нейтрального отношения со стороны США, нам не удастся осуществить жизненно важные задачи внутреннего развития – построить эффективную современную экономику и устойчивую демократию.

Итак, есть все основания признать, что Америка не как гегемон, а как наиболее развитая и влиятельная страна, играет важнейшую роль в обеспечении экономического прогресса и политической стабильности на земном шаре. Мы все зависим от США, но и они, и в этом особенность современного глобализирующегося мира, в возрастающей степени зависят от всех остальных.

Именно эта взаимозависимость государств дает основания полагать, что многополюсный миропорядок в XXI столетии окажется разумнее и прочнее, чем в прошлом, когда он порой провоцировал соперничество и войны.

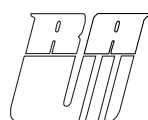
Примечания

¹ Архив внешней политики РФ МИД. Ф. 489. Оп.24 г. П. 19.Д.1. Л.51; Л.50.

² Archives Nationales. Section contemporaine. Papiers privees de M. Georges Bidault. AP-80. 735/A. P. 2–3.

³ *Корниенко Г.М.* Холодная война. М., 1994. С. 173.

⁴ Архив Президента РФ. Ф.9. Оп.33. Д.18. Л.109-112; Д.9.Л.74.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
ОBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru